

ный интерес к Александру Ивановичу Пальму был просто интересом правнука к жизни и мыслям прадеда... Однажды мне подумалось, что, может быть, профессией своей в какой-то мере я обязан прадеду — все-таки наследственность... Во мне крепло убеждение, что написать о Пальме — мой долг... Но я совсем не хотел писать панегирик». В ходе работы над повестью Т. почувствовал, что судьба Пальма — не только частная жизнь, любопытная для потомка, но частная жизнь в истории, содержащая в себе поучительный нравственный опыт. В решающий момент Пальм оказался — пусть почти незаметным — участником общественного движения, оставившего свой особенный след в России, он не герой, но его жизнь своего рода подвижничество. Рассказывая о нем, Т. не повышает негромкого голоса, не допускает панегирических нот, избегает вымысла и беллетризации, но предельно вживается в родной для него образ, и поэтому сила воздействия повествования равносильна здесь художественной.

После книги о Пальме Т. написал документальную повесть **«Искатель истины»** (1971–72) — о трагической судьбе еще одного петрашевца Александра Баласогло, чье имя, кажется, совсем уже кануло в Лету. Затем последовали основанные на богатых архивных материалах повесть **«Высокая лестница»** (1975–76), посвященная замечательному русскому поэту XIX века Якову Полонскому, повесть **«Кардиатрикон»** (1979) — о польском графе, привлекавшемся по делу декабристов, и повесть **«Странник»** (1981) — о поэте пушкинской поры Викторе Теплякове. К ним примыкают документально-биографические повести **«Испытание воли»** (1985) — о революционере Петре Лаврове и **«Закон совести»** (1989) — о Николае Шелгунове, публицисте, заключенном в Петропавловскую крепость в связи с процессом Чернышевского. Историческая проза Т. предельно фактографична, «непридуманность рассказа», по мнению писателя, имеет «особый, терпкий вкус»; следуя неукоснительно букве и духу времени, Т. демонстрирует завидное умение ощущать ту или иную эпоху как свою и находить надысторическую доминанту народного поведения.

В 1990-е отдавал предпочтение мемуарной эссеистике (**«Размышления во время бессонницы»** // Звезда. 1996. № 1; **«Поздние записи»** // Звезда. 2002. № 5). Потомственный интеллигент, западник по убеждениям, почитатель Герцена, он обращался здесь к той же проблематике, что и в исторической прозе. Раздумывая о судьбе России,

о взаимоотношениях частного человека и государства, творческой личности и власти, писатель утверждал, что «только сознание своего долга придает жизни высокий смысл», только чувство ответственности — перед собой, перед страной, перед человечеством — может служить гарантией общественного оптимизма. «Для человека с живой душой потребность творить добро, — уверен Т., — должна быть равнозначна потребности неустанно действовать, не опускать руки».

Т. — опытный лит. редактор (сотрудничал с ж. «Звезда» и «Костер»), а также переводчик Киплинга, Лонгфелло и польских поэтов (**«Из польской поэзии XX века»**, 1990).

Соч.: Четверо на Нижней Тунгуске: Повесть и рассказы. Л., 1961; Тихая ночь у костра: Повести и рассказы. Л., 1964; Портреты пером: Исторические повести. Л., 1984; Счастливый и везучий: Повесть и рассказы. Л., 1990; Шпага за шкафом // И. И. Тхоржевский. Последний Петербург: Воспоминания камергера. СПб., 1999; Открыть окно: Воспоминания и попутные записи. СПб., 2002.

Лит.: Пруссак И. Облик поэта, облик эпохи // Лит. обозрение. 1978. № 7; Калмановский Е. Спасатель // Нева. 1982. № 10; Коняев Н. Портреты пером // Звезда. 1982. № 10; Турков А. Испытание воли // Известия. 1985. № 17; Арьев А. Бремя надежд // Нева. 1986. № 6; Гранин Д. Рисунок жизни характерный // Тхоржевский С. Портреты пером: исторические повести. М., 1986; Горышин Г. Хватило жизни рассказать // Вечерний Ленинград. 1990. № 110.

И. С. Кузьмичев

ТЫНЯНОВ Юрий Николаевич [6(18).10. 1894, г. Режица Витебской губ. (ныне г. Резекне, Латвия) — 20.12.1943, Москва] — прозаик, литературовед.

Отец Т. — врач, человек широко образованный и демократически настроенный, оказал большое влияние на сына. «С отцом у него была большая духовная связь» (Воспоминания о Юрии Тынянове. С. 144), в отличие от матери, которая «не понимала» его и отношения с которой складывались сложно (Каверин В., Новиков Вл. — С. 20). Учился Т. в Псковской гимназии (1904–12), где «был одним из первых учеников» (**Автобиография**. С. 6), окончил ее с серебряной медалью. Продолжил образование на славяно-русском отделении историко-филол. ф-та Петербургского ун-та (1912–19), где слушал лекции И. А. Бодуэна де Куртенэ, Ф. Ф. Зеллинского, Н. И. Кареева, Н. О. Лосского, В. Н. Перетца, Л. В. Щербы и др. Глубокий след в жизни Т.-студента оставил пушкинский

Ю. Н. Тынянов

семинар профессора С. А. Венгерова. Здесь отчетливо выявились науч. интересы Т., отражившиеся в его докладах и статьях: **«Литературный источник „Смерти поэта“»** (впервые опубл.: *Вопр. лит-ры*. 1964. № 10), **«Ода его сиятельству графу Д. И. Хвостову»**, **«Каменный гость»** и др. В рамках этого семинара Т. сформировался как историк и теоретик лит-ры, которого особенно привлекала эпоха декабристов и связанные с ней жизненные и писательские судьбы В. К. Кюхельбекера, А. С. Грибоедова, А. С. Пушкина.

По окончании ун-та Т. включился в интенсивную педагогическую и науч.-просветительскую работу: преподавал лит-ру в 31-й советской школе (бывшее Тенишевское училище), читал курсы лекций «История и теория пародии» в Доме литераторов, «Язык и образ» в Доме искусств (из этого курса выросла его будущая книга **«Проблема стихотворного языка»**, первоначальное название — «Проблема стиховой семантики»), вел лит. секцию в клубе им. К. Маркса. Одновременно служил переводчиком в отделе информации петроградского бюро Коминтерна (в Смольном). К этому периоду относится и вхождение Т. в официально оформившееся Общество изучения поэтического языка (ОПОЯЗ), секретарем которого он стал в 1920. Разделяя основные цели и принципы ОПОЯЗа, Т. в то же время занимал в нем вполне самостоятельную позицию. Он не был склонен к особой пристрастности,

к отстаиванию сугубо «групповых» интересов и амбиций. Внимание к форме, приему соединялось в его исследованиях с интересом к содержательной, смысловой стороне слова, к широкому историческому контексту (*Проблема стихотворного языка*. 1924; **Словарь Ленина-полемиста** // *Лэф*. 1924. № 1). Не случайно в ходе острой борьбы и дискуссий вокруг формальной школы, развернувшихся в 1920-е, Т. из всех опоязовцев был наименее попрекаем за формализм.

Почти 10 лет жизни Т. (1921–30) связаны с его деятельностью в Гос. ин-те истории искусств (ГИИИ). Здесь он читал курсы лекций по истории русской лит-ры XIX в., истории и теории отдельных жанров (ода, пародия) и воспитал плеяду учеников, ставших впоследствии известными учеными-филологами тыняновской школы: Н. Л. Степанов, Л. Я. Гинзбург, Б. Я. Бухштаб, А. В. Федоров, Т. Ю. Хмельницкая и др. В это время круг науч. интересов Т. заметно расширился: русская лирика XIX в. (Некрасов, Тютчев), русско-зарубежные лит. связи (**«Тютчев и Гейне»**, 1922; **«Записки о западной литературе»**, 1922, и др.), совр. русская лит-ра (ст. о Хлебникове, Брюсове, Блоке, Лунце, Маяковском и т. д.), теория кино (**«Кино — слово — музыка»**, 1924; **«О сценарии»**, 1926; **«Об основах кино»**, 1927), которой он занялся, став сценаристом и руководителем отдела Севзапкинто (ныне Ленфильм). Некоторые из названных трудов печатались под псевдонимом Ю. Ван-Везен. Тогда же Т. создал ряд литературоведческих и критических работ, изменивших само представление о лит. процессе: **«Достоевский и Гоголь (к теории пародии)»**, (1921); **«Литературное сегодня»**, **«Промежуток»**, **«Литературный факт»** (все — 1924), **«О литературной эволюции»** (1927) и др. Благодаря Т. привычный взгляд на лит. развитие, иронически обозначенный им самим («Ломоносов роди Державина, Державин роди Жуковского, Жуковский роди Пушкина...») и т. д.), уступил место более сложной и противоречивой картине «литературной эволюции, принцип которой — борьба и смена» (Архасты и новаторы. Л., 1929. С. 10). Слова Т. о «борьбе за новое зрение» (в статье о В. Хлебникове) стали своеобразным девизом его науч. деятельности. По мнению Д. С. Лихачева, «сущность его подхода к лит-ре состояла в последовательном и конкретном историзме» (Прошлое — будущему. Л., 1985. С. 449). При этом он не отка-

звался от свойственного формальной школе восприятия лит. произведения как некоей системы. В статье «**Журнал, критик, читатель и писатель**» (1924) Т. выдвинул и обосновал тезис о том, что «критика должна осознать себя литературным жанром»; спустя много лет эта концепция возродится в книге Б. И. Бурсова «Критика как литература» (Л., 1976). Науч. идеям Т., по наблюдению Л. Я. Гинзбург, «была присуща не бесспорность... но применимость» (Воспоминания о Ю. Тынянове. С. 148), вследствие чего многие из них были востребованы последующей лит. наукой, в т. ч. и совр. (см., например, серийные выпуски «Тыняновских чтений», вышедшие в Риге и Москве на протяжении 1984–98).

Переход Т. от науки к лит-ре в середине 1920-х был, говоря его же словами, «вовсе не так прост» (Автобиография. С. 9). Этот факт трактуется исследователями по-разному. Одни утверждают, что Т. обратился к исторической прозе под влиянием начавшегося кризиса формальной школы с целью проверки (или перепроверки) своего науч. метода: «Роман («Кюхля»).— В. М.) должен был убедить автора, что как ученый он ошибался во многом» (Белинков А.— С. 164). Однако попытка Т. возродить ОПОЯЗ на пражской встрече с Р. Якобсоном в 1928, результатом которой стала публикация их совместных тезисов «**Проблемы изучения литературы и языка**» (Новый Леф. 1928. № 12), никак не согласуется с якобы появившимся у него несколько ранее разочарованием в формальном методе. Выход Т. к прозе был продиктован, по всей вероятности, иными мотивами, связанными с особенностями его индивидуального мышления, не удовлетворявшегося строгими науч. дефинициями и требовавшего как бы продолжения поиска в иной, конкретно-чувственной, форме, гораздо более приближающей автора к объекту исследования. Косвенным подтверждением этого служит то, что сферы науч. и худож. интересов у Т., как правило, совпадают или тесно соприкасаются. Характерно в этом смысле его признание в одном из писем В. Шкловскому 1929: «Я смотрю на свои романы как на опыты научной фантазии, и только» (Вопр. лит.-ры. 1984. № 12. С. 200).

Первой пробой Т.-прозаика стал рассказ «**Попугай Брукса (из Чарицких хроник)**», опубликованный в ж. «Ленинград» (1925. № 26, 27) за подписью Юзеф Мотль (Юрий Тынянов. Библиобл. хроника. С. 31). Вышедший в конце того же года роман «**Кюхля**» (1925) оказался большой

творческой удачей Т., закрепив за ним место одного из зачинателей советской исторической прозы. Роман был поддержан М. Горьким («...мне „Кюхля“ очень нравится...» // ЛН. Т. 70. С. 456) и одобрительно встречен критикой. В его появлении был момент некоей творческой неожиданности, отмеченный В. Шкловским: «Тынянов не знал, что он писатель» (Каверин В., Новиков Вл.— С. 60). Успех Т. в качестве романиста в немалой степени был подготовлен его предшествующей науч. деятельностью: ему не надо было заново изучать эпоху, поскольку она была досконально освоена им как историком лит.-ры. Это было своего рода продолжением прежних исследований, но теперь уже иными — худож.— средствами. Материалом для него служили исторические труды, дневниковые записи, письма, мемуары, лит. и фольклорные источники. Т. не просто «оживил» фигуру Кюхельбекера, а впервые раскрыл его истинный облик, решительно отбросив устоявшееся представление о нем как о лит. неудачнике, чудаке, достойном лишь осмеяния. Герой романа показан как личность многогранная (поэт, критик, философ), в его разнообразных связях и отношениях с современниками, среди которых Грибоедов и Пушкин — центральные персонажи будущих произведений Т. Проследившая жизненный путь Кюхельбекера, автор упоминает ту характеристику, которую дал поэту Грибоедов, назвавший его Дон Кихотом (Соч. Т. 1. С. 146). Романтиками в известном смысле были почти все декабристы, но именно в физически нескладном и мечтательном Кюхле благородное начало их общего дела, желание стоять за это дело до конца проступают особенно рельефно (поведение его на Сенатской площади в день восстания). Выдвижение на первый план именно такого героя по-своему раскрывает драматизм всей эпохи декабризма. Отсюда начинается главная тема, объединяющая романы Т., — художник и власть, судьба поэта в роковых для него исторических обстоятельствах. Уже в первом романе довольно полно проявились не только возможности, но и особенности Т. как исторического романиста. Мера и степень его знания истории, видение и понимание эпохи изнутри неоднократно засвидетельствованы современниками: «Историю Тынянов чувствует и воплощает не только обобщенно, но и раздельно, почти молекулярно» (Хмельницкая Т. // Воспоминания о Ю. Тынянове. С. 133). Его творческий метод напоминает метод работы археолога или реставратора: там, где нет доста-

точной документальной основы (а это бывает нередко), он по малейшим штрихам, деталям восстанавливает историческую обстановку, поведение и характер той или иной личности. С этим связана и другая его особенность: у Т. почти отсутствуют вымышленные персонажи, даже на втором и третьем планах произведения действуют реальные исторические фигуры. Это относится не только к «Кюхле», но и к последующей исторической прозе Т.

Роман **«Смерть Вазир-Мухтара»** (1927–28), посвященный А. С. Грибоедову, внес нечто новое в развитие историко-биографического жанра и потому не сразу был понят и оценен критикой. Возникли споры о личности героя, об авторской позиции, о характере историзма писателя и т. д. (см. статьи и рецензии конца 1920-х О. Немеровской, Е. Книпович, Н. Берковского и др., а также материалы дискуссии об историческом романе в ж. «Октябрь», 1934). В отличие от «Кюхли», где путь героя прослежен от его рождения до смерти, в «Вазир-Мухтаре» воспроизведен лишь последний год жизни Грибоедова. Но впечатление возникает такое, как будто перед нами прошла вся его жизнь. Достигается это при помощи иной, по сравнению с «Кюхлей», структуры романа: история Грибоедова рассказана в основном устами самого героя, которому «ценою унижения надлежало добиться своего» (Соч. Т. 2. С. 29). Здесь преобладает не хронология, а психология героя, его самоанализ и, как следствие этого, широкое использование внутреннего монолога и диалога при минимальном авторском комментарии. Это придает роману весьма ощутимую лирико-драматическую направленность. Как и др. произведения Т., «Вазир-Мухтар» построен на строго документальном историческом материале, но по законам субъективно окрашенной поэтической прозы. Эта новая и оригинальная манера Т. была принята далеко не всеми: одним она не помешала по достоинству оценить роман («хорошая, интереснейшая, „сытная“ книга» — Горький М. // ЛН. Т. 70. С. 458), другие увидели в ней некую «вычурность» (Бухштаб Б. Я. // Четвертые Тыняновские чтения. Рига, 1988. С. 170), которой не было в «Кюхле». Современники улавливали в романе более широкий смысл, выходящий за пределы собственно биографии Грибоедова. Дм. Мирский писал, что автор романа «опрокидывает в прошлое свою судьбу и судьбу старой интеллигенции» (Октябрь. 1934. № 7. С. 221). Трагедия Вазир-Мух-

тара заключается не только в преждевременном и страшном уходе из жизни. Еще до своей физической смерти он переживает внутреннюю драму, связанную с творческим бессилием, утратой таланта, невозможностью вернуться к уровню, достигнутому в «Горе от ума». Таков, по Т., неизбежный итог сознательного или вынужденного компромисса художника с деспотической властью и самим собой в душевной атмосфере последекабристского периода. И хотя писатель избегал прямых аналогий с современностью, объективно это звучало как некое предостережение всем служителям муз. По словам И. Л. Андроникова (кстати, работавшего в 1930 лит. секретарем Т.), последний «писал не просто биографические романы, а средствами поэтического слова выяснял судьбы культуры» (Воспоминания о Ю. Тынянове. С. 198). Очевидная для Т. трагичность положения культуры в русской истории во многом определяет грустную тональность его книг, на которую обратил внимание М. Горький (ЛН. Т. 70. С. 456). Такое настроение автора было обусловлено, по-видимому, не только характером изображаемой исторической эпохи, но и глубоко личным ощущением современности, судьбы культуры в период формирования государства диктатуры пролетариата с его нарастающим давлением на человека и особенно на творческую личность.

Именно в этот период Т. обратился к так называемой «малой прозе» — **«Подпоручик Киже»** (1928), **«Восковая персона»** (1931), **«Малолетный Витушишников»** (1933) и др., где взгляд писателя на историю находится, пожалуй, в еще большей зависимости от современности. В этих произведениях историческая действительность выглядит почти иллюзорной, мнимой, стираются границы между правдой и вымыслом, реальное смешивается с нереальным, живое с мертвым, великое с малым и т. д. Погружая читателя в некий призрачный мир (несуществующий подпоручик, восковое подобие царя, сотворенная легенда о «малолетном»), Т. показывает, что происходит (или может произойти), когда история осуществляется исключительно методом приказа и насилия: гос. механизм становится самодовлеющим, реальный человек теряется и исчезает, жизнь деформируется до абсурда. Не случайно рассказ «Подпоручик Киже» — наиболее известный в этом ряду — приобрел значение обобщенно-пародийной «формулы самовластия» (Белинков А.— С. 389). В целом же малая проза Т. заметно насторожила критику и усилила на-

чавшиеся с «Вазир-Мухтара» упреки автору в фаталистическом взгляде на историю, песимизме, отсутствии исторической перспективы и т. п. (см. работы 1930-х Л. Цырлина, М. Серебрянского и др.).

В последнем и незаконченном своем романе «Пушкин» (первые две части печатались в «Лит. современнике» в 1935–37, 3-я — в ж. «Знамя». 1943. № 7–8) Т. отошел от рискованных творческих экспериментов и вернулся к принципам повествования, более характерным для «Кюхли». Опыт «Вазир-Мухтара» и исторических повестей обогатил прозу Т. психологически, его писательская палитра стала отличаться большим разнообразием оттенков. По мере становления Т.-романиста происходило укрупнение масштаба творческой личности его основных героев: Кюхельбекер — Грибоедов — Пушкин. Соответственно вырастали и масштабы писательского замысла: роман о Пушкине был задуман, по словам Т., не как «романизованная биография», а как «эпос о рождении, развитии, гибели национального поэта» (Каверин В., Новиков Вл.— С. 234). Это потребовало иной, более спокойной и обстоятельной манеры письма, свойственной именно эпосу, выхода к предыстории героя, его духовным истокам, вследствие чего он далеко не сразу становится в центре повествования. Незавершенность романа объясняется не столько тем, что Т. приступил к нему якобы слишком поздно (такие сожаления подчас высказываются в лит-ре о нем), сколько грандиозностью и новаторством творческого замысла, реализации которого в полном его объеме помешала тяжелая болезнь и смерть автора. Т. довел «жизнеописание» Пушкина лишь до 1820, т. е. до первого его столкновения с властью и высылки на юг. Конфликт поэта с его гонителями, врагами свободы уже обозначился, но вся трагедия героя была еще впереди. Параллельно работе над романом Т. публиковал статьи о Пушкине: «Пушкин и Кюхельбекер» (ЛН. 1934. Т. 16–18, «Проза Пушкина» (1937), «Безыменная любовь» (1939), сочетая таким образом худож. и науч. освоение темы. Критика 1930–40-х в основном благожелательно отнеслась к роману «Пушкин», но в последующие десятилетия мнения о нем разделились: одни (Б. Костелянец и др.) оценивали его как безусловное достижение Т., другие (А. Белинков) — как наименее удачный из всех романов писателя. Скептическое отношение к последнему роману Т. встречается и в работах некоторых совр. исследователей, которым кажется, что пушкинская тема трактуется

здесь слишком «оптимистично» (в отличие от М. Булгакова и А. Ахматовой, воспринимавших ее — под влиянием эпохи 1930-х — «в трагическом свете»). Подобные сопоставления не совсем корректны хотя бы потому, что речь идет о незавершенном произведении Т., прерванном на годах юности Пушкина. Тема «гибели национального поэта», заявленная автором романа, естественно, могла и должна была по-настоящему воплотиться лишь в дальнейшем повествовании.

Роман о Пушкине сделал писательское имя Т. широко известным. В 1939 он был награжден орденом Трудового Красного Знамени. Тогда же Т. приступил к написанию пьесы «Четырнадцатое декабря» (закончена в 1940), где использовал новые материалы, найденные им в архиве Кюхельбекера. Пьеса была принята Ленинградским академическим театром драмы им. А. С. Пушкина (на роль Кюхли намечался Н. К. Черкасов), но начавшаяся война помешала осуществить ее постановку. Во время войны больной Т. (он уже не мог ходить) был эвакуирован из Ленинграда сначала в Ярославль, затем в г. Молотов (Пермь). Последние месяцы своей жизни он провел на лечении в Кремлевской больнице, где и скончался. Похоронен в Москве на Ваганьковском кладбище.

Вопреки распространенному мнению, Т. не был писателем и ученым кабинетного типа, он живо откликался на самые разнообразные политические, общественные и лит. события своего времени (см.: Юрий Тынянов: Биобибл. хроника). Вместе с М. Горьким он стоял у истоков создания серийных выпусков «Б-ки поэта», был ее первым науч. редактором. При его содействии и участии вышли книга О. Мандельштама «О поэзии» (1928), сб. стихов А. Ахматовой «Из шести книг» (1940, под ред. Т.), он пытался выволить из беды репрессированных Ю. Г. Оксмана, Н. А. Заболоцкого, Л. А. Зильбера. Авторитет его в науч. и писательской среде был и остается высоким. Его исторические романы и повести — это не бегство от совр. действительности в результате разлада с ней, как утверждала вульгарно-социологическая критика 1920–30-х, а скорее способ выработки мужественного, честного и правдивого взгляда на жизнь. В историю лит-ры Т. вошел как создатель особой формы «исследовательского романа» (Хмельницкая Т. Голоса времени. М.; Л., 1963. С. 40), который относится к области худож. творчества, но покоится на прочном фундаменте науч. знания. Опыт Т. ощутимо присутствует в совр. русской лит-ре и лит. науке.

Соч.: Соч.: в 3 т. / вступ. статья Б. Костелянца. М., 1994; Проблема стихотворного языка / предисл. Н. Степанова. М., 1965; Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977; Литературный факт: сб. / вступ. статья В. И. Новикова. М., 1993; Автобиография: соч.: Т. 1. М., 1994.

Лит.: Цырлин Л. Тынянов-беллетрист. Л., 1935; Белингов А. Юрий Тынянов. 2-е изд. М., 1965; Воспоминания о Юрии Тынянове. Портреты и встречи / сост. В. А. Каверин. М., 1983; Каверин В., Новиков Вл. Новое зрение: Книга о Юрии Тынянове. М., 1988; Тыняновские чтения. Рига; М., 1984–98. Вып. 1–7; Юрий Тынянов: биобибл. хроника / сост. В. Ф. Шубин. СПб., 1994.

В. П. Муромский

ТЫРКОВА-ВИЛЬЯМС Ариадна Владимировна [14(26).11.1869, Петербург — 12.1.1962, Вашингтон] — прозаик, публицист, критик.

Происходила из древнего новгородского рода. Отец — мировой судья. Большое влияние на формирование личности Т.-В. оказала мать, увлекавшаяся живописью. В 1881 Т.-В. исключена из гимназии за «худое влияние на учениц». Причиной стало участие ее брата Аркадия в деле царевубийства. Сдав экзамены за курс гимназии, Т.-В. поступила в 1888 на Высшие женские курсы в Петербурге. В нояб. венчается с Альфредом Борманом, корабельным инженером из петербургской не-

А. В. Тыркова-Вильямс

мецкой купеческой семьи. Через 7 лет они развелись.

Начала печататься в 1897 под псевдонимом А. Вергежский (Вергежа — родовое имяние Тырковых на реке Волхов в Новгородской губ., где прошло детство Т.-В.). С 1904 публикуется под своей фамилией. Впервые арестована осенью 1903 за распространение в Финляндии ж. П. Струве «Освобождение». После суда — побег через Финляндию в Штутгарт, где в редакции «Освобождения» она познакомилась с молодым новозеландцем Гарольдом Вильямсом, корреспондентом лондонской «Таймс», ставшим в дальнейшем ее мужем. Прожив 2 года в Париже, Т.-В. после помилования в окт. 1905 вернулась в Петербург, где приняла участие в организации партии кадетов и вошла в первый состав ее ЦК; до 1917 оставалась единственной женщиной в высшем органе этой партии. Т.-В. член I Гос. думы. Печатается в «Вестнике Европы», «Русской мысли», «Ниве». Осенью 1911 вместе с Г. Вильямсом, получившим назначение корреспондентом «Морнинг пост», уезжает в Константинополь. Вернувшись в Россию, Т.-В. занимает руководящее место в газ. «Русская молва» (СПб., 1912–13).

Большевистский переворот встретила отрицательно. Разгон Учредительного собрания, убийство Кокошкина и Шингарева определили ее отъезд из России в марте 1918 вместе с Г. Вильямсом (через Мурманск как британских подданных). По свидетельству сына писательницы Аркадия Бормана (ее биографа), Т.-В. и ее муж видели в большевизме «мировое зло, угрозу для всего мира». Они считали, «что об этой опасности необходимо все время говорить и предостерегать, что с ней прежде всего необходимо справиться в России. Они были убеждены, что необходимо уговорить союзников в оказании активной помощи тем силам, которые борются против советского режима» (Борман А.— С. 157). В Лондоне Т.-В. благодаря связям мужа общается с видными политическими деятелями Великобритании. С осени 1918 она регулярно публикует материалы о России в американской газ. «Christian Science Monitor» (Бостон). Весной 1919 в изд-ве Макмиллана вышла кн. Т.-В. «From Liberty to Brest-Litovsk», явившаяся обвинительным актом революционной демократии, доведшей Россию до большевиков. В предисл. к книге Т.-В. писала: «Социалисты сделали из моего отечества огромное опытное поле для своих догм и теорий. Я верю, что лучшие из них искренне хотели дать сча-